

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г Р О Й

УЛЫБКА
ЧЕРНОГО КОТА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каштыкиной*

Рой, Олег.

Улыбка черного кота : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172234-0

Антон Житкевич сам себя не узнавал. Он, молодой, но уже успешный ученый и весьма перспективный бизнесмен, никогда не веривший в приметы, предсказания и прочую мистику, привыкший полагаться только на факты, вдруг решил сделать татуировку. Впрочем, ничего удивительного. В глубине души, тайно, Антон надеялся, что эта авантюра изменит его судьбу. Как только на спине Антона появилось изображение улыбающейся морды черного кота, перемены грянули как гром среди ясного неба... И это явилось всего лишь началом долгого пути к истине...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172234-0 © О. Рой, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

По недавно отремонтированной, ровной и гладкой дороге друзья домчались до аэропорта Шереметьево-2 на удивление быстро. Сергей, с детства слывший большим пижоном, вел свой новый красный «БМВ» с нескрываемым самодовольством и то и дело сыпал шутками; Антон же все больше отмалчивался, он курил сигарету за сигаретой и, глядя в окно на пробегавшие поля, думал о своем пятилетнем сыне. Антон впервые расстался с мальчиком и был не уверен, что Костик перенесет разлуку легко и безболезненно...

Автомобиль играючи выдавал свои коронные сто сорок километров в час, однако в его комфортном салоне почти не ощущалась такая невероятная даже

для московских дорог скорость. Молодые люди не успели оглянуться, как центр города остался далеко позади.

Февраль выдался в столице теплым, пасмурным. С утра шел дождь, а к вечеру подморозило, и красная машина легко неслась по тонкой ледяной корке шоссе. Извечные лужи куда-то подевались, и друзья лениво замечали вслух, что столичная слякоть скорее возникает не от потепления, а от той самой соли, которой, вопреки запрету московских властей, упорно посыпают улицы... Сергей привычно трепался о работе, общих знакомых. Антон же задумчиво созерцал нечеткие контуры темного мокрого леса, размытую даль полей, тонкую сетку февральского дождя — точно пытался запомнить этот пейзаж, с которым расставался как минимум на полмесяца, — и сердце его, вопреки всем доводам рассудка, сжималось от бессмысленной, ничем не объяснимой, но такой острой тревоги.

Самолет из Парижа в Пекин, транзитом следовавший через Москву, вылетал поздно ночью. Рейс был выбран Антоном по совету Сергея. Приятелю не раз приходилось бывать в Китае — в детстве он летал на каникулы к отцу-дипломату, когда стал старше — на студенческие стажировки и, наконец, уже по собственным служебным надобностям, на работу — в Пекин, в российское посольство.

Ранний зимний закат окрасил низкое пасмурное небо в розовато-лиловые тона. Голос Сергея звучал не переставая, и Антон, чтобы заглушить беспричинную тоску, которая грызла его все последние месяцы, попытался сосредоточиться на наставлениях друга:

– В самолете народ будет разный, Антоша, но ты не тушуйся; в основном всем спать захочется, и ты спи – ночь ведь. Садись, куда посадят, насчет предоставленного в билете места не упирайся. Рейс у тебя надежный, экипаж китайский, все будет отлично. И не стесняйся брать напитки, когда стюардессы будут разносить. Это бесплатно. Если захочешь, можешь купить у них же чего-нибудь покрепче. Понял?

– Понял, – эхом откликнулся Антон.

Сергей наставительно продолжал:

– Как выйдешь из самолета и доберешься до телефона – сразу позвони. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не услышу, что у тебя все нормально...

Еще со школьных лет у Сергея выработался покровительственный тон в обращении с Антоном. Уверенный в себе, всегда безукоризненно и дорого одетый, этот темноволосый красавец не случайно был лидером и заводилой в их компании. Только... Антон посмотрел на приятеля, а потом снова бросил взгляд на дорогу. Заводилой-то, несомненно, был Серега, но Светка почему-то выбрала в мужья

его, Антона... Когда-то это казалось ему наивысшим счастьем. А теперь...

— Мечтайте осторожнее: мечты имеют обыкновение сбываться, — неожиданно для себя самого пробормотал Антон вслух.

— Ты что-то сказал? — мгновенно откликнулся Сергей.

Антон резко покачал головой:

— Нет. Ничего.

У шлагбаума Сергей заплатил за проезд в зону аэропорта — это было новое для Москвы, уже постсоветское «завоевание» российского капитализма, — и приятели поехали к месту парковки.

Командировка Антона в Пекин была ответственным мероприятием для обоих. Но Антон, как главный в их команде, сначала должен был посетить Китай один. Ему, молодому доктору наук и ведущему российскому специалисту в области инновационных биотехнологий, нужно было представить китайским партнерам фирму с научной стороны, посмотреть лаборатории и познакомиться с условиями работы. А через неделю, на завершающей стадии подписания контракта, к Антону уже планировал присоединиться Сергей. И тогда уже они решат остальные, не менее важные вопросы, связанные с финансовыми условиями сотрудничества. Впрочем, в прибыльности затеянного дела можно было не сомневаться — контракт с известной китай-

ской фармацевтической фирмой просто по определению не мог быть невыгодным.

Антон вынул из багажника небольшой новенький чемодан и портплед с пиджаками. И к чему столько одежды, с досадой подумал он. Портплед Антон взял опять же по настоянию друга. Его бы воля, он бы точно отказался от всей этой кучи ненужных вещей! Но ничего не поделаешь – деловой визит.

Беззлобно чертыхнувшись, Антон попытался удержать в руках нетяжелый, но громоздкий багаж и еще раз произвольно вздохнул. Да уж, будь его воля, он бы точно полетел в Китай с обычным рюкзаком! А что? Удобно и без проблем – засунул в верхний шкаф над сиденьем в самолете, и все дела. Потом не пришлось бы ждать выдачи багажа, время тратить... Однако ничего не попишешь: положение обязывает. Вступаешь в мир большого бизнеса, изволь соответствовать.

Не торопясь, молодые люди прошли через автоматически разъезжающиеся стеклянные двери. Голос из динамика тонул в гудении огромного зала. На большом табло в строке рейса компании «Чайна лайн» уже светилась пометка о начавшейся регистрации.

Друзья попрощались перед заграждением у таможенного поста. Сергей долго жал приятелю руку, хлопал по плечу и торопливо давал последние советы, смешно причмокивая. Пожалуй, это был единствен-

ный внешний недостаток Сергея — недостаток, который ему так и не удалось изжить: когда Сергей начал волноваться, он всегда смешно причмокивал.

Пожелав наконец друг другу ни пуха ни пера, приятели расстались. Сергей остался ждать у ограждения, а Антон, миновав таможенников, быстрым шагом направился к стойке регистрации.

Ему предстоял долгий беспосадочный перелет: до Пекина, считай, почти восемь часов. Антон удобно устроился в кресле и постарался расслабиться. День был суетным, хлопотливым, но он, к счастью, уже заканчивался.

Антон мысленно перенесся домой. Костик и Настя наверняка сейчас ужинают. Сын рассказывает, что нового произошло у него в саду, что сделал или сказал его друг Ваня и какую башню они построили из кубиков. Антон улыбнулся, представив, как Костик забавно разводит в сторону руки и тянет: «Во-о-от такую широченную и высоченную!» После ужина сын еще немного поиграет перед сном, пока Настя моет посуду и убирает на кухне, а потом ляжет спать. Настя посидит рядом с его постелькой, почитает сказку, пока он не заснет, и... Неожиданно Антон поморщился, нет, все-таки скверно, что он разлучился с сыном. Настя, без сомнения, справится со всеми обязанностями — Костик уже большой, а она девушка ответственная, — но все равно это не порядок.

Антону досталось кресло в хвосте самолета. «Боинг» надсадно гудел, набирая высоту. Тяжелая пряжка ремня безопасности холодила кожу живота сквозь тонкую ткань рубашки. Антон знал, что его ждет напряженная и нервная неделя; надо было выспаться, чтобы утром, после ночного перелета, сразу приняться за дела.

Прикрыв глаза, он вслушивался в журчащую по соседству незнакомую речь. Его попугачики в основном были китайцы, возвращавшиеся домой. Молодежь студенческого вида, бизнесмены — люди молодые, но солидные, степенные семейные пары...

Антон подозвал стюардессу и попросил не будить его, когда станут разносить ужин или напитки. Девушка озабоченно посмотрела на Антона, затем на номер кресла, доброжелательно кивнула и ушла. Антон снова закрыл глаза, устроился поудобнее в кресле, расслабился и провалился в глубокий сон.

Проснулся он оттого, что машину сильно потрянуло. Антону показалось, что самолет пошел на посадку. Так оно и было: ровно гудя, мощная машина начала снижаться, преодолевая густое молоко плотных облаков, — над Пекином стоял сильный туман, погода оказалась пасмурной. Вдруг раздался мощный грохот, от сильного удара распахнулись дверцы верхних шкафов, и на пассажиров посыпалась ручная кладь. Антон рванул с места, чтобы посмотреть на кабину пилота, однако ремень безопасно-

сти резко ограничил его движения. Попытавшись отстегнуться, Антон схватился за пряжку, но в этот момент его стукнуло по голове чем-то тяжелым, и глаза потемнели, и сознание отключилось.

Самолет не долетел до китайской столицы всего пару десятков километров. При снижении машина врезалась левым крылом в гору и стала падать. Вспыхнули баки с топливом. «Боинг» развалился на несколько частей; его нос врезался в землю. Отколовшийся хвост лайнера падал отдельно от других частей машины, и мощные кроны старых сосен смягчили его удар.

От пожара в самолете погибли почти все — стюардессы, члены экипажа, пассажиры первого класса, пассажиры бизнес-класса. И лишь четверо путешественников из эконом-класса, которые сидели в самом хвосте, остались живы: огонь, видимо, был сбит сильной струей воздуха при падении хвостовой части.

Среди четверых выживших пассажиров оказался и Антон. Его место было справа, в самом конце самолета. После удара по голове тяжелым кофром Антон потерял сознание и так и остался сидеть в кресле, пристегнутый ремнем безопасности. Обожженными у него оказались лицо, грудь, руки и ноги... Спина, как ни странно, совсем не пострадала. В том же ряду, что и Антон, у окна сидела молодая китайская пара — беременная женщина и ее

муж; они тоже выжили, хотя и находились в тяжелом состоянии. Четвертым уцелевшим был полный мужчина средних лет. При ударе о землю его выбросило из кресла, и он получил такое количество переломов, что спасатели с трудом смогли переложить пострадавшего на носилки, опасаясь за его жизнь.

* * *

Трагическое известие, переданное всеми новостными программами мира, пришло в Москву к вечеру следующего дня. Однако список погибших российских граждан появился в китайском посольстве в Москве лишь через трое суток; Антон среди них не числился. Для родственников, коллег, партнеров и друзей Антона это означало безумную, почти несбыточную, но все же надежду — он жив.

Пациентам дорогой частной клиники, в которой лечился отец Антона, было разрешено смотреть вечерние новости. Как только закончился сюжет про авиакатастрофу в Китае, Николай Васильевич Житкевич, сидевший все это время перед телевизором, затаив дыхание, быстро поднялся с кресла и направился к себе в номер. Побросав в сумку необходимые вещи, он молча прошел мимо дежурного врача и, никому ничего не сказав (Житкевич-старший привык все решения принимать самостоятельно), покинул стены своей комфортабельной тюрьмы. В последнее время Николай Васильевич именно

так, тюрьмой, и называл этот наркологический диспансер, добавляя иногда — для разнообразия, — что пребывает на лечении в эксклюзивном месте для безвольных лентяев... Врачи, понимая, что этот солидный мужчина преклонного возраста не только выведен из состояния запоя, но и полностью приведен в норму, не спорили с пациентом. Они не могли не видеть, что психологическая зависимость от рюмки в нем ослабела, почти исчезла, однако оставили его здесь еще на месяц по просьбе сына, который оплатил лечение, желая проверить, насколько закрепился эффект терапии. Сейчас доктора клиники не собирались препятствовать уходу Житкевича, но, разумеется, все выглядело бы совсем иначе, если бы больной не считался ими полностью готовым к выписке.

— Борис Викторович, Житкевич уходит, — тихо проговорил в трубку прямого переговорного устройства дежурный врач.

— Пусть идет, — последовало в ответ негромкое распоряжение. — Нам все равно пришлось бы его отпустить в этих обстоятельствах. Ты ведь слышал, Женья?..

Молодой ординатор кивнул, он тоже следил за последними известиями и знал, что сын Житкевича собирался на днях улететь в Китай...

А тем временем Николай Васильевич, даже не подозревавший, что в другой ситуации его не-

пременно задержали бы уже при выходе из корпуса (он не дошел бы даже до проходной), упруго и размашисто шагал по шоссе. На железнодорожной станции Житкевич сел в первую же электричку и поехал в Москву. Была уже глубокая ночь, когда Николай Васильевич добрался до квартиры сына. Стараясь не будить Настеньку, Житкевич до утра просидел на кухне, а в восемь проводил внука в детский сад и поехал в китайское посольство.

Вечером, приехав ни с чем, Николай Васильевич рассказал Насте о катастрофе. У девушки опустились руки, на него же самого страшное известие, напротив, подействовало мобилизующе, его реакция была вполне мужской и правильной — собрать все силы, действовать во что бы то ни стало, надеяться до последнего и искать, искать, искать Антона... Все последующие дни Житкевич оставался бодр, полон сил и энергии. Он принял решение посвятить себя воспитанию внука и с этого дня забыл о водке.

Костик узнал новость об отце последним. Разумеется, он не мог еще осознать всех размеров своей утраты; ему сообщили только, что папа заболел, из командировки вернется попозже. Но у ребенка, фактически выросшего без матери, было обостренное чувство любви и потери. По лицам взрослых, по заплаканным Настиным глазам Костик не то чтобы догадался, а скорее почувствовал: случилось что-то по-настоящему серьезное. Мальчик

потянулся к деду всей душой, а ведь знал его до этих пор совсем мало.

Для отца Антона и его сына авиакатастрофа китайского лайнера была личной, ни с чем не сравнимой трагедией. Зато Светлана, жена Антона и мать Костика, вначале восприняла известие о крушении самолета почти как благою весть. Для нее смерть Антона являлась внезапным освобождением и разрешением всех проблем.

Они с Сергеем узнали о случившемся едва ли не самыми первыми. Сергей тут же принялся нервно названивать в аэропорт. В справочной отвечали уклончиво: список погибших уточняется, окончательные данные китайской стороной еще не предоставлены...

Сев в машину, Сергей со Светланой помчались в Шереметьево. Сергей понимал, что, скорее всего, толку от этого мало — так, неумелая попытка сделать хоть что-нибудь и успокоить собственную совесть, — но он хотел лично поговорить с администратором, узнать, к кому обращаться, выяснить, есть ли хоть какая-то надежда... Сергей взял с собой Светлану, потому что она по-прежнему официально значилась женой Антона и у нее были нужные документы.

Потолкавшись у стоек, они наконец нашли дежурного по аэропорту. Тот старался держаться как можно более ровно, предложил поговорить с местным психологом и сказал, что точные сведения о катастрофе поступят позже.

По дороге обратно, когда они, устав от бесполезных блужданий по кабинетам, мчались по пустому ночному шоссе домой, Светлана внезапно начала рыдать. «За что мне такое?! – кричала она. – Он меня бросил, оставил почти без средств. Как он мог?» Сергей раздраженно прикрикнул на нее: «Очнись, что ты несешь? Человек, может быть, погиб, а ты только о себе думаешь. У тебя сын есть, о нем подумай! И рано еще мужа твоего хоронить. Там же трое мужчин выжили. Надо лететь в Китай, а не кликушествовать здесь».

Сергей, не задумываясь, почти машинально бросил ей какие-то правильные, нужные в этот момент слова, а сам думал про себя, что Антон оставил ему в наследство свою истеричную дуру, и теперь уже ему точно от Светки не отвяжаться и придется всю жизнь с ней мучиться...

Совершая все эти продиктованные нормальной человеческой реакцией действия, разговаривая с людьми, Сергей в глубине души постоянно взвешивал последствия произошедшей катастрофы для только что возникшей фирмы и для себя лично. Оказывается, providение, вмешавшись в судьбу Антона, основательно позаботилось о будущем Сергея.

Антон оставил ему право вести переговоры, практически все документы, всю информацию – он ведь всегда был доверчивым, совсем не умел просчитывать риски. У Сергея остался также солидный па-

кет акций. Вторая половина по закону должна была перейти Светлане и ее сыну. Существовала еще какая-то персона, заинтересованная в прибылях новой фирмы, — Сергей не успел толком вникнуть, кто это. Чья-то внучка, дочка... в общем, черт ее знает кто. Выяснение этого можно было оставить на потом; Антон говорил: это что-то семейное, значит, тоже завязано на Светку.. Получалось, практически все денежки поплывут в руки к нему, к Сергею, полно-властному и теперь единственному распорядителю фирмы. Он, единственный теперь, имел право вести переговоры, подписывать контракты, принимать решения; Антон выдал ему это право сразу после регистрации их новой фирмы. К тому же Сергей почти в совершенстве знал китайский язык. Предполагать, что безмозгая и ленивая Светлана захочет всерьез заниматься делами, было бы просто смешно. Значит, теперь он сможет выстроить бизнес так, как ему захочется. Он — настоящий, а не номинальный хозяин. И фирма и бизнес принадлежат ему.

Получалось, китайская катастрофа для Сергея — просто подарок судьбы. Такое бывает раз в жизни...

«Вероятность того, что Антон выжил при падении с такой высоты и уцелел после пожара, минимальна, — рассуждал Сергей. — Но в Китай на опознание все-таки надо лететь, и как можно быстрее. Информацию о том, что четверо человек выжили в катастрофе, нужно проверить».

Приняв решение, Сергей окончательно обрел свою всегдашнюю невозмутимость. Светлана же немного успокоилась лишь наутро, когда собиралась в китайское посольство подавать документы на выездную визу. В первый момент, узнав новость, она растерялась, затем мгновенно и как-то постыдно обрадовалась, потом, на ночном шоссе, впала в непонятную панику: ей казалось, что жизнь кончена, что Антон подло поставил ей подножку в тот самый момент, когда ее судьба была почти устроена. Но теперь, безмятежно проспав остаток ночи и совершенно успокоившись, Светлана строго приказала себе радоваться. Все к лучшему. Выжить после такой катастрофы невозможно. Антон наконец-то освободил ее от тягостного и ненужного супружества. Она долго бы еще тянула с разводом, не решаясь что-либо предпринять, но судьба распорядилась иначе.

«Антошку, конечно, жаль, — Светлана сентиментально вздохнула и уронила несколько слезинок, — но ничего. Он был таким наивным, любящим, совсем не злым. И кто виноват в том, что она его не любила и никогда не смогла бы полюбить так, как любит Сережу...»

В общем, легкий, почти приятный укол совести Светлана все же ощутила, но после этого к ней пришло и внутреннее облегчение. Все чувства и мысли перемешались, но разбираться в них было некогда.

Да она и не любила копаться в себе, никогда не загружалась бесплодными раздумьями.

Визу Светлане Житкевич и Сергею Пономареву дали уже на следующий день, они поспешно стали собираться в дорогу. Сергей предупредил партнеров, чтобы их встретили в пекинском аэропорту, а в гостинице забронировали два номера.

Он еще раз жестко напомнил Светлане, что ей необходимо вести себя прилично и — главное — до конца выдержать роль безутешной вдовы. «Я для тебя почти чужой человек, просто партнер мужа, и только», — методично и настойчиво внушал он растерявшейся женщине. Светлана согласилась с ним, но просила не оставлять ее без поддержки — она боялась забыться и запутаться. Светлане было по-настоящему страшно, ее по-прежнему бросало из стороны в сторону. То она действительно злилась на Антона — ей казалось, что он во всем виноват и чуть ли не нарочно подстроил ей это испытание, — то ее начинала душить острая жалость к нему и к себе. Она вспоминала, как он ее любил, как доверял ей, как легко его было обмануть. Вспоминала его лицо, руки, родинку на левом плече, смешную ямочку под коленкой — все те пустые и нежные мелочи, которые могут быть известны о мужчине женщине, долго делившей с ним постель, бывшей ему по-настоящему близкой, даже если эта близость потом ушла навсегда.

Светлана то и дело вновь начинала истерично рыдать, требовала сочувствия, преданно и беспомощно заглядывая окружающим в глаза. От сумбура чувств и творившегося в душе смятения у нее не было сил куда-то лететь. Она не представляла, как будет разговаривать с чиновниками, как будет смотреть на искалеченных людей и опознавать кого бы то ни было. Светлане казалось, что никто ее не понимает, искренне ей не сочувствует, не говорит настоящих слов утешения.

* * *

Компания «Чайна лайн» сделала Светлане и Сергею специальный билет, и уже через сутки после получения визы они прилетели в Пекин. Сергей держался уверенно, здесь все ему было знакомо с детства; Светлана же притихла, оробела и только то и дело крутила головой по сторонам. Все было незнакомым, чужим, но при этом каким-то невероятно близким, словно ты вернулся в страну своего детства или город, который уже успел подзабыть: просторные проспекты и огромные площади, так сильно напоминавшие гигантоманию родной Москвы, лозунги на кумаче с профилями Маркса, Энгельса и Ленина, изображения Сталина и Мао.

Светлана с интересом смотрела на мелькавшие за окном автомобиля урбанистические пейзажи, и ее волнение постепенно начало проходить. Она

почти успела забыть, по какой причине оказалась в этом азиатском городе. Однако Сергей был настороже и не давал ей слишком громко и беззаботно щебетать в машине, то и дело останавливая взглядом или же незаметным поглаживанием руки. Он не хотел вызывать закономерного недоумения шофера-китайца, который знал, что сопровождает вдову несостоявшегося российского партнера их фирмы.

Приняв душ в гостинице и переодевшись, они, после легкого завтрака, немедленно отправились в клинику. Тот же шофер доставил их к дверям огромного серого здания главной травматологической больницы Пекина. В отделе реанимации, где лежали выжившие жертвы авиакатастрофы, было тихо и пустынно. В ярко освещенных, чистых больничных коридорах, которые мало чем отличаются друг от друга во всем мире, слышалась тихая речь и приглушенное жужжание приборов; специфический медицинский запах нес в своем китайском варианте лишь едва уловимую примесь каких-то восточных благовоний.

Светлане и Сергею предстояло провести опознание двух выживших пассажиров мужского пола. Третий парень, молодой китаец, был в сознании, и его в расчет не брали.

Их провели в реанимационную палату, где стояла одна-единственная кровать. На ней лежал очень

полный мужчина средних лет европейского вида. Его тело было опутано проводами и прикрыто простыней, часть лица скрывала повязка. Человек тяжело дышал и явно был без сознания. По очертаниям крупной рыхлой фигуры, по широким, не закрытым простыней ступням, по короткопалым рукам, покрытым седыми волосками, Светлана с Сергеем мгновенно поняли, что этот человек никак не может быть тем, кого они ищут. По возрасту он годился бы Антону в отцы.

У второй двери Светлана замерла и перекрестилась. Ее охватил настоящий ужас. В противоожоговой камере в глубоком забытьи лежал молодой мужчина. Голова, шея, уши были густо покрыты белой мазью. Толстый слой специального средства скрывал черты лица, человек был как будто в маске. Глаза его были плотно закрыты, ресницы опалены, и лишь выходящие из носа и рта трубки свидетельствовали о том, что в пациенте еще теплится жизнь.

По росту, по общему очертанию тела он напоминал Антона. Обгоревшая кожа на груди и ногах была покрыта салфетками с мазями различных цветов, и Светлана сквозь наворачивающиеся на глаза слезы могла разглядеть лишь что-то вроде оранжевой облепихи — белоснежную медицинскую присыпку, обгоревшее коричневое мясо, прозрачные водянистые пузыри...

Заметив, как русская женщина покачнулась, едва не упав в обморок, стоявший рядом китайский врач придержал ее и спросил через переводчика, были ли у Антона Житкевича какие-нибудь особые приметы. Светлана отрицательно замотала головой: ни больших родимых пятен, ни бородавок, ни шрамов — ничего этого не было. Кому ж это и знать, как не родной жене! Правда, у Антона были очень изящные, хрупкие, словно у женщины, ступни ног и кисти рук, но все эти части тела оказались в послеожоговых отеках, по ним ничего не определишь.

— Мы хотели бы задать вам конкретный, прямой вопрос, — медленно произнес медик, и переводчик, с трудом подбирая русские слова, выполнил свою работу. — Думаю, все ваши сомнения сейчас рассеются. Скажите, у вашего мужа были татуировки?

Светлана недоуменно и с каким-то облегчением замотала головой. Ее слезы высохли.

— Да бог с вами! Муж никогда бы не стал заниматься подобными глупостями. Он относился ко всем этим молодежным штучкам с большим пренебрежением, был противником всякого украшения и абсолютно не интересовался модой. Он ученый, исследователь, а не какой-нибудь там рокер-музыкант.

— Тогда взгляните сюда. — И две хорошенькие медсестры, похожие друг на друга как две капли воды, по знаку врача быстро приоткрыли камеру и очень бережно, за одно плечо приподняли боль-

ного. На спине мужчины имелась татуировка – здоровенная лукавая морда черного кота.

«Вот чертяка! Выжил-таки!» – ахнул про себя Сергей. Если бы Светлана в этот миг смотрела на него, то, вероятно, она догадалась бы, о чем он думает. Но жена Антона не могла оторвать глаз от больного, она с изумлением смотрела на татуировку и почти любовалась ею. Надо же, как мастерски выполнена, как изобретательно нарисована, с невольным восхищением отметила она. Это был настоящий шедевр – от любого движения мускулов, от малейшего поворота спины казалось, будто морда кота меняла свое выражение: кот двигался, шипел, подмигивал, словом, был как живой... Однако, быстро опомнившись, Светлана разочарованно развела руками, и медсестры, осторожно опустив больного, снова закрыли камеру.

Теперь все сомнения Светланы разом улетучились. Этот человек, немного похожий на Антона Житкевича, никак не может быть ее мужем. Это ясно как белый день, тут даже и обсуждать нечего.

Светлана решительно повернулась и вышла из палаты. А Сергей, почти потерявший дар речи от всего происходящего, еще несколько минут оставался рядом с барокамерой. Он не мог понять, почему так внимательно и тревожно смотрит на него китайский врач, но предпочел не выдавать своего знания языка и так и не промолвил ни слова.

Внизу, в регистратуре, полицейский оформил протокол опознания. Светлана уверенно подтвердила, что оба пострадавших в авиакатастрофе ей абсолютно незнакомы.

Через два дня Сергею и Светлане выдали маленький цинковый ящик с останками, которые принадлежали кому-то из пассажиров злополучного рейса. Понятно было, что это фрагмент общей могилы, однако ничего другого китайские власти предложить не могли. Цинковую капсулу повезли в Россию.

По дороге в аэропорт Светлана плакала, ей было страшно в чужой стране и отчего-то очень жалко себя. Мелькавшие за окнами машины, трепавшиеся на ветру кумачовые полотнища, огромные иероглифические надписи и новые чистые улицы Пекина теперь оставляли ее совершенно равнодушной. Светлана покидала Китай, чувствуя странное отвращение к этой стране. Люди и сам дух Азии казались ей враждебными и коварными.

Отец Антона, Николай Васильевич Житкевич, настоял, чтобы останки сына захоронили рядом с могилой матери, в ограде, на Кунцевском кладбище. Через год здесь был поставлен памятник — общий для матери и сына. Сюда приходили лишь те, кто оставался по-прежнему близок Антону, кто тосковал по нему и помнил его живым, — отец, сын Костик и Настенька.

Часть I

Глава 1

Я вижу их всех точно сквозь дымку времени — Антона, Сергея, Светлану... Настало время признаться: я хорошо знаю их, они были моими друзьями, мы даже учились в одном классе — те, о ком я сейчас пишу. И все же, вспоминая эту историю, все время думаешь о ее нереальности. Слишком много странного и жестокого произошло с этими людьми. Слишком сильно изменило их время. Слишком хорошо я прочувствовал их удачи и падения, свершения и потери... Только если вам вдруг покажется, что вы тоже узнали этих людей, прошу вас, не торопитесь с выводами. Как говорится, аллюзии запрещены. Поверьте, вы не могли знать моих героев. Вы с ними никогда не встречались...

Стоит мне только закрыть глаза, и я вижу ее, Светлану, — худенькую длинноногую девушку, лег-

кую и пугливую лань с большими глазами, гибкую опасную кошечку. Она всегда была такой, всегда напоминала красивого и опасного зверька — с самого детства. Мать Светланы была обыкновенной закройщицей в ателье, с небольшим окладом, с вечными долгами и унижительным «дотягиванием» от полочки до полочки. Женщина старалась изо всех сил, чтобы дочка выглядела не хуже других и ни в чем не нуждалась, но это получалось у нее не всегда.

В те времена в столичном центре обеспеченные девочки-подростки уже всюю щеголяли обновками из валютной «Березки», красились дорогой косметикой, привезенной родителями или знакомыми из-за рубежа, сходили с ума по модным дискам. Мать Светы, хоть и работала сверхурочно, брала заказы на дом, перекраивала из старой одежды для дочери юбки, брюки, иногда даже пальто и куртки, все равно денег отчаянно не хватало. И острая нехватка их, при всей изобретательности, мастерстве и трудолюбии матери, сказывалась постоянно, прежде всего на одежде девочки.

Именно бедность, которую нельзя было ни скрыть, ни замаскировать, чуть не испортила Свете отношения с ребятами в нашем классе. Девочка от природы была одарена хорошей памятью и старательностью, мать привела ее в одну из лучших школ района в пятом классе. Это был тот самый возраст, когда к обычной детской жестокости прибавляется еще и подрост-

ковая неуправляемость, желание найти чужака в стае и показать свое преимущество перед ним, но Светина мама, разумеется, об этом не думала. Зато ее девочке пришлось столкнуться со всем этим довольно быстро.

Света еще не успела привыкнуть, оглядеться, как в первую же неделю сентября ее подждал серьезный удар по самолюбию. Классная руководительница Валентина Ивановна объявила во всеулышанье список «бесплатников» на обеды в школьной столовой. В восьмидесятые годы, на закате социализма, в нашей стране так было еще принято: если средний оклад в семье составлял менее восьмидесяти рублей на человека (а тем более если семья была неполной, с одним родителем, как у Светы) да если прибавлялось еще и соответствующее письмо-ходатайство от предприятия, ученика ставили на довольствие и кормили в школе за счет государства. Список ребят от нашего класса оказался коротким, он состоял всего из одной фамилии. И это была фамилия Светы – Журавина.

Весь класс, и главным образом девочки, на перемене поднял новенькую на смех. До ее прихода в коллективе не было детей из неимущих семей. И нашим благополучным девчонкам – школа-то была центральная, в одном из арбатских переулков – такое явление показалось диким, а чужая бедность какой-то постыдной. И девочки, пошептавшись во время первого же большого перерыва

между уроками, собрались вокруг Светы Журавиной сначала молча, только с хихиканьем и переглядываниями. А потом началось:

— Если ты такая бедная, то зачем тебя перевели в самую лучшую школу района? Мы тебя не звали...

— Девчонки, а может, нам всем скинуться Светке на еду?

— У вас что, денег не хватает? А может быть, твоей маме сшить мне брюки, а за это я стану платить за твои обеды, ну, хотя бы месяц?

Последняя реплика переполнила чашу Светинового терпения. Она залепила однокласснице звонкую пощечину, и вскоре уже отличница и красавица Алина, обливаясь злыми слезами и потирая красную щеку, сидела в школьной медсанчасти, а Света — в кабинете директора. Как ни странно, именно с этого момента Журавина стала лидером среди одноклассниц, хотя и потом ее всегда скорее побаивались, нежели любили.

Больше всего на свете девочке захотелось доказать сверстникам и самой себе, что она такая же, ничуть не хуже ее одноклассниц. Правда, на всю оставшуюся жизнь «не хуже» в Светиных глазах стало синонимом слова «богаче» и означало «у нас такое тоже имеется»... И некому было объяснить ей, насколько опасный крен сделало в тот самый миг ее сознание.

Тогда же у Светы появилось и стремление утвердиться в жизни любой ценой. Ей казалось, что про-

ще всего это сделать в спорте. Она уже занималась художественной гимнастикой, правда, особых чудес не демонстрировала, но способности у нее были — гибкая, ритмичная, к тому же обаятельная и упорная. Такие качества встречаются не так часто, и тренеры хвалили ее. Мать была довольна, что девчонка под присмотром, и поощряла ее занятия.

Света и раньше любила ходить в спортзал, а с того момента, как она осознала свою непохожесть и крайнюю, как ей казалось тогда, бедность, она стала заниматься гимнастикой с настоящей самоотдачей. И на брусьях, и на бревне, и со скакалкой Света работала с утроенным старанием.

К двенадцати годам, когда девчонки начинают стесняться своей неуклюжей фигуры, выпирающей из-под кофточки груди, когда они принимаются отчаянно сутулиться, чтобы спрятать рост, Света научилась до конца управлять своим гибким и сильным телом, поняла себе цену и прекрасно почувствовала, что значит иметь по-настоящему женственный облик. Теперь к слову «богатство» в списке ее внутренних ценностей навсегда прибавилось и слово «красота».

В девятом классе у Светы появились два настоящих друга — Антон и Сергей. Именно с ними она чувствовала себя наиболее уверенно и раскованно. Именно с ними, а не с девочками (подруг у Светы так и не появилось) она могла позволить себе побол-

тать на любые темы, зная, что они поймут ее, как никто другой. Для этих ребят Света была вне критики. Парни смотрели на нее с обожанием, слушали ее уверенные речи, поддерживали все ее затеи — поболтаться по улицам просто так или сбежать с уроков на утренний сеанс в кино... Антон и Сергей сопровождали ее повсюду, охраняли и развлекали, как могли, были ее верными рыцарями. Конечно, времени у всех троих было мало — занятиями, помимо школьных, родители загружали их на полную катушку, в соответствии с правилами тех лет, но для дружбы время находилось всегда.

Антон и Сергей были закадычными друзьями с детского сада. Знаете, как это бывает, если люди всю жизнь живут на одном месте: сначала рождаются в одном роддоме, потом мамы рядышком выгуливают их по скверу в колясках, потом они оказываются на соседних горшках в группе детского сада, а чуть позже — соседями по парте в первом классе... И у Антона, и у Сереги семьи были с достатком. И у того, и у другого благополучие и социальный статус семей держался на отцах. Дипломат и известный ученый — это были вершины советской иерархии должностей и званий, максимум того, что могла предложить судьба советскому человеку.

Отец Сергея занимал высокий пост в Министерстве иностранных дел, и в ту пору, когда парень доучился до девятого класса, уже стал послом СССР

в Китайской Народной Республике. Сергей принимал все почести, неизменно выпадавшие на долю «родственников посла», как должное. Внутренне собранный и честолюбивый, внешне он походил на мать, и в результате оказалось, что Сергей сумел взять от родителей все лучшее.

К пятнадцати годам это был рослый молодой человек с красивым, породистым лицом. Сергей всегда превосходно учился; его подчеркнутый аристократизм, уверенная манера держаться, а главное, высокий социальный статус семьи внушали педагогам уважение к юноше. При этом парень был независим, сообразителен, в меру исполнительен, хотя и не любил напрягаться, — и все это обеспечивало ему ровную и прямую дорогу к золотой медали.

Золотую медаль в качестве жизненной задачи номер один определил для него отец. Он составил для сына схему построения успешной карьеры, первой ступенькой в которой была отличная учеба в школе. В этой семье понятие долга, обязательства всегда находилось на первом месте, и своей успешной жизненной дорогой родители Сергея не в последнюю очередь были обязаны этим качествам. В результате их успехов у Сергея началась совершенно особенная жизнь, резко отличавшая его от одноклассников и роднившая его скорее со сверстниками на Западе, нежели с советскими школьниками.

Мать Сергея обязана была как жена посла почти постоянно находиться с мужем в Китае; Сергею же решили дать возможность доучиться в московской школе, и на все каникулы он ездил к родителям за границу, а в учебное время оставался под присмотром няnek и тетушек, с которыми лихо справлялся. В меру проявляя послушание и в меру обманывая взрослых, а также умело манипулируя учителями, Сергей начал мало-помалу вести тот образ жизни, который считал нужным. Ночных клубов в Москве, правда, тогда еще не существовало, но кое-какие развлечения уже имелись, и Сергей Пономарев, никогда не знавший ограничений в деньгах, с удовольствием проводил время в молодежной тусовке. К счастью, он был достаточно умен и сообразителен, чтобы не слишком откровенно кичиться своим достатком перед друзьями, и удачно избегал пьянства и наркотиков, до которых нетрудно было скатиться в столь юном возрасте молодому богатому шалопаю из обеспеченной семьи.

Регулярные поездки за границу, пусть даже всего лишь в КНР, казались сверстникам Сергея чем-то почти невероятным. Для многих одноклассников его образ жизни был предметом постоянной, плохо скрываемой зависти. Однако они не догадывались, что и обязательств у Сергея было не меньше, чем удовольствий. Он строго следовал определенному плану и постоянно находился под родительским контролем.

Семья обязывала Сергея Пономарева быть первым в учебе, причем окончание школы с золотой медалью было лишь первым шагом на пути к осуществлению долгосрочного плана. Далее – МГУ, одно из его популярнейших подразделений – Институт стран Азии и Африки, еще дальше – карьера бизнесмена. Хотя о бизнесе в российские восьмидесятые можно было лишь робко мечтать, отец Сергея отлично знал, что у России с Китаем всегда было и всегда будет большое торговое будущее.

– Если ты хочешь чего-то достичь в своей жизни, – назидательным тоном говорил Сергею отец, – то ты обязан не просто хорошо разбираться в экономике обеих стран, ты должен влезть в шкуру китайца, понять их традиции и менталитет, научиться думать, а не только говорить на их языке... Понимаешь?

И Сергей это понимал. Но и у него, несмотря на серьезные карьерные устремления, все же случались сбои, вполне объяснимые молодостью или простыми, хотя и редкими в его жизни, неудачами. Например, с первым пунктом жизненного плана, золотой медалью, едва не случился большой прокол. Все чуть было не сорвалось. Учительница химии по итогам десятого класса и результатам контрольных работ вдруг решила, что Пономарев знает химию только на «четыре». А это означало срыв всех семейных планов.

Отец, специально взявший отпуск и прилетевший в Москву последней школьной весной Сергея, отправился к учительнице с огромной коробкой конфет и крохотным флаконом французского парфюма. Однако разговор с учительницей ни к чему не привел, и Пономарев завернул в кабинет к директору, которого давно и хорошо знал. Никто не знает, о чем они говорили, но уже через час туда вызвали учительницу химии, и она вышла от директора с красными от слез глазами. Возможность получения Сергеем золотой медали больше никто не оспаривал; впрочем, и оснований для этого он никому больше не давал.

Итак, подобные неудачи в его юношеской судьбе случались. Но выглядели они не более чем досадной мелочью, случайной и несерьезной помехой на его пути. Сергей Пономарев заслуживал в жизни всего самого лучшего, и заслуживал по-настоящему. Так считал он сам, так считали и его ближайшие верные друзья.

А ближайшими друзьями Сергея были Света Журавина и Антон Житкевич.

Глава 2

Антон всегда считался любимцем класса, и не только считался, но и по-настоящему был им. Подвижный, заводной, вечно куда-то спешащий, с жизненным гра-

фигом, расписанным по минутам, улыбчивый и прямодушный, в своем классе он был и кумиром, и примером для подражания. Учителя, улыбаясь, замечали о нем: «Он в классе как ясное солнышко!» — и любили Антошку за вдумчивость и трудолюбие. А одноклассники, в свою очередь, обожали парня за полное отсутствие вредности и какую-то врожденную, редкостную по нашим временам доброту.

Среднего роста, крепкий, со светлыми непокорными вихрами, Антон не был таким откровенным красавцем, как его друг Сергей, но зато природа наградила его чудесными голубыми глазами с длинными ресницами. А недостаток снобизма в Антоне искупался простодушием и обаянием.

Одноклассникам и учителям «неразлучной троицы», как называли в школе Светлану, Антона и Сергея, запомнился дикий по тем временам случай, который произошел во время их учебы в девятом классе. На год старше их учился один отвязный парень. Он «положил глаз» на симпатичную и бойкую Свету Журавину, но, не добившись взаимности, принял врать своим приятелям, что она за ним бегаёт. Новость довольно скоро распространилась по школе. Света Журавина была приметной девочкой, а откровения неудачливого поклонника оказались довольно грязными, и вскоре уже и в девятом «Б» Свету начали донимать вопросами: а правда ли, что?..

Поначалу она даже не знала, как отвечать, потом стала оправдываться, плакать. А кончилось все тем, что Светлана пожаловалась на обидчика друзьям. Вероятно, она и сама не представляла последствий своей жалобы, но Антон и Сергей долго размышлять не стали. На одной из перемен они просто отдубасили лгуна на глазах его ошеломленных одноклассников. Их напор и уверенность в собственной правоте возымели свое действие: парень признал, что был виноват, и во всеуслышание попросил у Светы прощения. Ребятам тогда здорово влетело от классной руководительницы:

— Эдак вы все в жизни привыкнете решать кулаками! А где же ваша знаменитая воспитанность? Почему не пытались поговорить с ним, переубедить, если посчитали его неправым?..

Друзья молчали, уверенные в своей правоте. Они не желали оправдываться, не хотели посвящать учительницу во все детали «дебоша» (именно так охарактеризовала она это происшествие). Зачем, если взрослым все равно не понять их логику, их дружбу, их преданность друг другу?.. Да и случай этот был, пожалуй, единственным и не имел никаких последствий. У троицы было чем заняться и без школьных глупостей.

К подростковому возрасту и Сергей и Антон уже имели серьезную цель в жизни. Сергей грезил о дипломатической карьере, а Антон мечтал стать ученым — его подлинной страстью была медицина.

Антон рано научился читать, рано начал проводить целые часы за отцовскими книгами — огромными фолиантами, старинными анатомическими атласами, медицинскими энциклопедиями. Но ни дохляком, ни скучным «ботаником», которых обычно так не любят сверстники, Антон не был. Спасибо отцу, Николаю Васильевичу, свято верившему в пользу физической активности и упрямо таскавшему за собой сына в походы, на каток, на лыжные прогулки...

Учеба давалась Антону легко. К языкам у него были способности, к знаниям — настоящая тяга, и мало-помалу в классе привыкли считать, что Антон — везунчик, счастливый человек, которому все удается. Вдобавок его внешность — хоть и не была такой аристократически безупречной, как у Сергея — немало способствовала его популярности. У Антона были мягкие черты лица; глаза такой голубизны, какой природа редко наделяет представителей сильного пола; милая, чуть застенчивая улыбка, очень светлая кожа. Такая внешность даже доставляла Антону некоторые неудобства, она привлекала внимание не только девчонок-сверстниц, но и девушек постарше.

К своим пятнадцати годам Антон вытянулся и превратился в очень привлекательного юношу. Девочки в классе очень рано начали забрасывать его записочками, назначали свидания или просто

желали встретиться «по делу». Ему предлагали дружить и просто ходить в кино, а Антон отмалчивался. Когда же настырные одноклассницы особенно напирали, он коротко и прямо отказывался от дружбы. Разумеется, девочки дулись, потом все же опять предлагали «вечную дружбу», и в целом получалась та самая милая и трепетная подростковая суета, о которой может вспомнить, наверное, с улыбкой каждый. Впрочем, все эти вихри кружились над головой Антона не так долго: очень скоро народ в классе (и особенно чуткие на сердечные дела девчонки) поставил четкий диагноз: кокетничать с Антоном Житкевичем бесполезно. Его сердце было искренне и как-то не по-юношески прочно занято одной Светой Журавиной.

Родителей Антона были в своем роде выдающейся парой. Оба имели медицинское образование; однако если старший Житкевич всегда кипел на работе, нередко возвращался из своего института за полночь, то мать предпочитала спокойно и не торопясь заниматься профессиональными делами дома. У нее с рождения были проблемы с сердцем, и она нашла для себя творческое и в то же время необременительное занятие — редактировать на дому медицинские статьи. Такая работа не требовала ни разездов по Москве, ни пребывания в учреждении с девяти до шести. Когда же Антон подрос, то его постоянной и почетной обя-

занностью стала доставка маминых рукописей в редакцию.

Кроме редактирования чужих текстов, Анна Алексеевна иногда и сама писала статьи по санитарно-гигиеническим и общемедицинским вопросам. Хлопотливая, всегда какая-то уютно-домашняя, постоянно занятая — то работой за пишущей машинкой, то увлеченным «сотворением» каких-то вкусностей на кухне, то вязанием в короткие минуты отдыха, — она была притягивающим центром не только для мужа и сына, но и для всего обширного круга друзей, которые любили бывать в гостеприимном доме Житкевичей. Гости приходили и по праздникам, и по будням — просто поговорить; часто засиживались с хозяином допоздна в разговорах на кухне. А вот Анна Алексеевна и Антон всегда уходили спать вовремя; Николай Васильевич очень следил за здоровьем жены и за режимом сына.

Старший Житкевич работал в крупном медицинском НИИ, был доктором наук, вел прием в клинике и в своей области — эндокринологии — стал одним из ведущих специалистов страны. К нему приезжали больные со всего Союза, и многие из них потом считали, что Николай Васильевич подарил им второе рождение. Однако всем этим людям и в голову не приходило, что подлинной своей страстью, подлинным призванием их замечательный доктор считал не практическое врачевание, а... железо — так

называл он те тонкие и сложные приборы, которые чудесно оживали в его умелых руках и тоже получали второе рождение.

Дело в том, что Николай Васильевич обожал чинить разные старые бытовые машины. Регулярно реанимировал дышащую на ладан пишущую машинку жены, подлаживал и приводил в чувство старенький автомобиль. Да и родственники, друзья и соседи то и дело несли ему приборы — не только примитивные утюги и кофемолки, но и радиоприемники, проигрыватели, телевизоры... Жена и знакомые привычно посмеивались над «реаниматором всякой дряни», а Житкевич не обращал на насмешки никакого внимания, он самозабвенно ремонтировал все и вся, самостоятельно научившись разбираться в сложнейших электронных схемах.

Он мог до поздней ночи копать в каком-нибудь «динозавре». Зато, если прибор начинал работать, лицо Житкевича-старшего расплывалось в счастливой улыбке.

Увлечение Николая Васильевича имело невиданное педагогическое воздействие на сына: Антон, как и отец, увлекся электротехникой. Однако простое, домашнее «железо» его совсем не увлекало: Антон задумался о приборах, которые могли бы лечить людей.

Отец к тому времени начал стремительно подниматься по карьерной лестнице; у него появи-

лось больше возможностей — и организационных, и материальных. В жизнь стали входить компьютеры, и это, собственно, и были те самые умные машины, о которых оба Житкевича — и старший, и младший — могли только мечтать. Отец увлекся программированием, внедрением в медицину компьютерных методов и, разумеется, постаравшись, приобрел для дома хороший монитор и системное обеспечение — такого ни у кого еще не было. Теперь по вечерам они с сыном часами разбирали ту или иную программу, до хрипоты спорили по поводу сложных компьютерных проблем или с удовольствием обучали мать работе в текстовом редакторе.

Им много пришлось разговаривать в эти вечера о будущем медицины. Отец все время упирал на то, что скоро стране понадобятся медики, которые не только будут уверенно держать в руках скальпель, но и станут разбираться в тонкой электронике, научатся работать с компьютером. Излагая свои мысли по поводу развития медицины, Николай Васильевич увлеченно высказывал самые смелые и неожиданные идеи — о замене органов умными приборами, о конструировании суставов и позвонков из металла. Он был так убедителен в своей увлеченности, так прозорлив, что Антон нисколько не сомневался в его прогнозах и сам уже не мыслил для себя будущего без медицины.

Глава 3

– Эй, слышь, Антон! Ты куда на профориентацию записался?

В ответ на этот вопрос одноклассника наш герой только повел плечом: такой проблемы для него вообще не существовало. Когда в десятом классе, согласно существующему в те годы поветрию, их начали делить на профориентационные группы – слесари, машинисты, чертежники, электронщики, – Антон и думать не стал, куда бы ему определиться. Разумеется, на электронику!..

Однажды по осени они всей своей группой отправились на ВДНХ провести очередной урок по новой теме «Использование ЭВМ в передовой медицинской технике».

Само это модное и необычное слово «ЭВМ» было в ту пору у всех на слуху. И в их маленькой группе не было другого человека, которому все происходящее было бы так интересно, как Антону Житкевичу. Хотя он и понимал прекрасно, что все рассказываемое ему отцом и есть передовое слово науки (передовее некуда!), но все же это были домашние разговоры, привычные и будничные, а Антону хотелось воочию убедиться в правоте отца, услышать подтверждение его рассказам из чужих уст.

Когда десятый «Б» остановился перед крыльцом сине-белого павильона, сопровождающая их

учительница еще раз строго предупредила, чтобы во время беседы все вели себя тихо и не галдели. Разгоряченные долгой дорогой школьники, обычно легкомысленно относившиеся к нравам, по-серьезнели.

За тяжелыми дверями павильона они быстро нашли указанный сектор, где их группу встретил симпатичный бородач крепкого сложения, больше похожий на Деда Мороза, чем на ученого.

Сначала школьники втихомолку пошутили между собой, что этому дяденьке с такой-то внешностью — длинная белая борода и такие же белые волосы — лучше бы на утренниках детей развлекать. А потом притихли, замороженные его спокойной интонацией и уверенным тоном. Говорил же бородач о том, что скоро все в медицинской науке будет подчинено электронике. Тяжелый труд врача заменят умные машины, а няни и сиделки смогут больше не бодрствовать у постели тяжелобольного все ночи напролет, а заняться в это время чем-то более полезным, потому что все биологические процессы в теле больного будут контролировать компьютеры. И даже более того — машины станут не только выполнять функции контроля и наблюдения, но даже смогут и заменять отдельные органы, например руку или целую ногу. Так что ампутированные органы в скором времени смогут быть восполнены механизмами, которыми управляет ЭВМ.

Части человеческого тела, замененные машинами?! Некоторые ребята про такое и не слышали; им это казалось далекой и даже не научной фантастикой... Один лишь Антон смотрел на лектора с пониманием, временами кивая ему и тихо радуясь знакомым терминам и профессиональным оборотам речи. Слова бородача чудесным образом переключались с самыми смелыми планами его отца; сердце наполнялось радостью и предощущением чего-то большого и хорошего, и Антон верил всем рассказам этого странноватого лектора так, как не верил, казалось, никому в жизни. А странность его заключалась в том, что обычно люди такого уровня не работают со школьниками, их удел — высокая наука, международные конференции, награды и премии... В горячности профессора, в его желании донести до подростков непривычно сложные, далекие от школьной программы понятия — донести во что бы то ни стало! — было что-то донкихотское.

Говорил он с ребятами долго, увлеченно, очень подробно останавливался на устройстве того или иного органа и его электронного протеза-аналога. А заканчивая, сделал упор на том, что ему лично и стране в целом очень нужны молодые ученые, способные оценить и освоить потенциал новых методик, о которых он рассказывает.

— Ведь наше поколение стареет, — с неожиданной горечью, неуместной для случайной, разовой